

В. К. КЕЛЬМАКОВ (Ижевск)

ОПЫТ СОЗДАНИЯ ПИСЬМЕННОСТИ ДЛЯ КОМИ-ЯЗЬВИНЦЕВ
(А. Л. П а р ш а к о в а, *Коми-язьвинский букварь. Учебное издание,*
Пермское книжное издательство, 2003. 135 с.)

Резюме. При описании коми-язьвинского языка с целью создания/уточнения письма должны быть учтены особенности близкородственных коми(-зырянского) и коми-пермяцкого (возможно, и удмуртского) языков и богатый опыт В. И. Лыткина в описании фонетики, морфологии и лексики не только коми-язьвинского диалекта, но и других пермских языков.

0.1. Отрадно сознавать, что в наше время ранее бесписьменный финно-угорский язык (диалект) — коми-язьвинский — получает письменную фиксацию, о чем свидетельствует появление «Коми-язьвинского букваря» (далее для краткости Букварь). В этой связи я с удовольствием присоединяюсь к тем восторженным словам, которые идут как от автора, так и от Г. Н. Чагина, этноисторического комментатора данного прекрасно выполненного в типографском отношении издания: «Перед вами Букварь — первая книга моего народа. Она адресована широкому кругу читателей, как детям, так и взрослым — всем, кого интересует наш родной язык [---]. Хочется верить, что это первое печатное издание поможет пробудить у коми-язьвинцев интерес к своим корням, к сохранению духовных зерен народа» (с. 5). «Издание Букваря — большое историко-культурное событие [---]. Букварь — это начало письменной фиксации родной речи и всей устной традиции, которую народ хранит еще в своей памяти в наше время. Несомненно, вокруг Букваря соберутся не только дети, но и взрослые. Букварь вызовет воспоминания, уважительное и бережное отношение к языку, стремление спасти все, что есть в наследии народа, и прежде всего родной язык» (с. 129).

0.2.1. Что представляет собой определенный языковой континуум — самостоятельный язык или диалект какого-либо (другого) языка — едва ли поддается однозначной лингвистической дефиниции. Так, отдельные периферийно-южные диалекты удмуртского языка существенно отличаются от северных и срединных говоров, тем не менее представители этих диалектов считают себя носителями единого удмуртского языка; в то же время коми-зыряне и коми-пермяки, имеющие значительно меньше дифференциальных признаков в системе своих языков, относят себя к разным народам.

Что касается положения коми-язьвинского в системе диалектов пермских языков, то В. И. Лыткиным в свое время была высказана мысль о том, что бесписьменное коми-язьвинское наречие является вполне автономным и непосредственно не входит в диалектную систему ни коми-зырянского, ни коми-пермяцкого языка: «Коми-язьвинское наречие» отличается «от остальных коми наречий больше, чем коми-пермяцкое и коми-зырянское друг от друга» (Лыткин 1957 :

53; см. также Лыткин 1955 : 10), причем отличия имеют место и в составе фонем, и в их дистрибуции, и в особенностях акцентуации и т. д. (Лыткин 1957 : 53—55). Это положение первоначально — в 70-е годы XX в. — было принято крупнейшим исследователем коми-пермяцких диалектов Р. М. Баталовой (1975 : 6), но в последующих публикациях она стала включать язык коми-язьвинцев в состав коми-пермяцкого языка как четвертое наречие (Баталова 1982 : 6—7; 1990 : 5; 1995 : 5; 1998 : 14).

0.2.2. Что касается меня, то я все же придерживаюсь традиционного подхода к этому вопросу, восходящего к трудам В. И. Лыткина, мотивируя это тем, что в коми-язьвинской фонетике наличествует ряд таких явлений: 1) восьмигласная система вокализма — функционирует восьмая гласная фонема \ddot{y} (= \dot{u} ; в записи В. И. Лыткина также \ddot{y}); 2) огубленное произношение \ddot{o} (= \dot{o} ; в записи В. И. Лыткина, \dot{o}); 3) более открытый и заднерядный характер \ddot{y} (= \dot{z} ; в записи В. И. Лыткина, \dot{o}); 4) сужение ряда гласных первого слога слова (о последнем более подробно в другом месте), не свойственных ни коми-зырянским диалектам, ни коми-пермяцким, но создающих интимную близость коми-язьвинского к удмуртскому языку, особенно к некоторым весьма архаичным в фонетическом отношении его периферийно-южным говорам (Кельмаков 1999 : 76). К тому же самосознание коми-язьвинцев выделяет их, обособляя и от русских и от коми-пермяков, в самостоятельный народ.¹ В свете сказанного вполне оправданно появление рассматриваемой книги «Коми-язьвинский букварь».

0.3. Согласно расхожему мнению, составители письменности (первой книги) для носителей какого-либо языка, являлись/являются первыми фонологами этого языка; ту же мысль несколько иными словами высказал и удмуртский ученый конца XIX — начала XX в. Г. Е. Верещагин: «преждѣ, чѣмъ приступить къ составленію книги или переводу, слѣдовало бы заняться фонетикой языка и ввести в употребленіе для означенія тѣхъ и другихъ звуковъ» соответствующие знаки (Верещагинъ 1985 : 20). В связи с коми-язьвинским языком это касается прежде всего, как мне показалось, обозначения на письме таких фонем, как 1) огубленный среднего подъема \dot{o} , 2) огубленный верхнего подъема \dot{u} , 3) заднерядный \dot{z} , 4) аффрикаты, а также фиксации 5) фонемы i буквами u и y в зависимости от комбинаторных условий ее употребления.

1. Для обозначения огубленного гласного среднего подъема передне-среднего ряда \dot{o} автор Букваря использовала из графического арсенала пермских языков букву \ddot{O} , которая во всех пермских литературных языках служит для фиксации неогубленного гласного e (в отдельных удмуртских диалектах, а также в современных марийском, финском, эстонском и венгерском — огубленного \dot{o}). При отсутствии оппозиции огубленности/неогубленности \ddot{o} (\dot{o} : e) в коми-язьвинском, это вполне приемлемо.

Коми-язьвинский огубленный гласный \ddot{o} (= \dot{o}), судя по материалам Букваря, употребляется преимущественно в односложных корнях и в пределах первого слога многосложных слов, например: *в́олотчам* 'учимся' (65)², *в́олым* '(мы) были'

¹ «Если на вопрос: «Кто мы, русские или коми-пермяки?» получаем от жителей верх-язьвинских деревень ответ: «Мы не русские и не коми-пермяки, а пермяки», то, естественно, приходится считать, что мы имеем дело с самостоятельным народом. Кое-кто может напомнить, что у коми-язьвинцев слабо выражены свои признаки — не создана письменность на родном языке, и в культуре и быту народа очень много общего с русскими. Но куда деться, если свое самоопределение народ основывает на признании родного языка: «Пишемся теперь русскими, но мы стали ими недавно. Мы и не коми-пермяки, ими-то никогда и не были, коми-пермяки живут в Кудымкаре. Пермяцкий язык — наш родной, и считаемся пермяками»» (Букварь, с. 130).

² Цифры в скобках после примеров с их переводами указывают на страницы Букваря, при этом рецензент не имел целью с полнотой указать на все случаи употребления слов или словосочетаний в тексте книги.

(57), *гѳторисло* 'супруге, жене' (104), *дѳбра* 'холст' (36), *кѳбин* 'волк' (35), *кѳко* 'кукует' (30), *кѳнис* 'кадушка' (119), *кѳш* 'ковш' (31, 119), *мѳс* 'корова' (28, 119), *нѳм* 'комар' (24), *олыныс-вѳлыныс* 'жили-были' (106, 109), *ѳгор* 'раскаленные угли' (119), *ѳкмѳс* 'девять' (33), *ѳны* 'сейчас' (24), *ѳторон* 'на улице' (49), *ѳтык* 'один' (33), *ѳшка* 'бычок' (92), *пѳим* 'зола' (119), *сы гѳгор* 'вокруг него' (69), *тѳлѳс* 'зимой' (39), *тѳлысь* 'месяц' (119), *чѳскѳт* 'сладкий' (61), *шѳр* 'середина' (27).

Лишь в редких случаях он зафиксирован в непервом слоге, например: *кѳтѳн* 'где' (113) — но: *кѳтон* (111), *кѳтѳн* (96, 97, 111, 115); *ѳдѳѳс* 'дверь' (85), *удѳѳс* (112) — но: *ѳдѳѳс* (77, 78, 88–91, 120), *удѳѳс* (113); *ѳѳѳт* 'маленький' (76, 80, 91, 110), *учѳт* (91) — но: *ѳѳѳт* (69, 75, 84, 93, 100) (создается впечатление, что *ѳ* в непервых слогах приведенных слов, корреспондирующий в тех же словах с гласным *о* (или *ѳ*), является результатом ошибочной записи автором Букваря).

2. Огубленный гласный верхнего подъема передне-среднего ряда *ѳ* однозначно фиксируется вполне приемлемой буквой *ѳѳ*, традиционной как для ранних удмуртских письменных текстов на основе «казанского» диалекта, современного марийского, так и для коми-язьвинского языка в работе В. И. Лыткина (КЯД). Как и предшествующий огубленный гласный, *ѳѳ* встречается преимущественно в односложных корнях или в первом слоге многосложных, например: *бѳѳж* 'хвост' (54), *бѳѳрдо* 'плачет' (61), *вѳѳрасьно* 'охотиться' (114), *вѳѳрон* 'в лесу' (43), *зѳѳрѳсѳ* *кѳѳдѳчѳмо* 'овес-то (мы) посеяли' (99), *кѳѳз* 'ель' (41), *кѳѳзин* 'подарок' (41), *кѳѳйло* 'лежит' (48, 49, 88), *кѳѳльыс* '(он) лежал' (90), *кѳѳс* 'сухой' (31), *мѳѳдык* 'другой' (36, 62, 80, 89), *пѳѳжаланѳс* 'пекут' (82), *пѳѳлѳян* 'баня' (120), *рѳѳдѳѳѳс* 'рожь' (120), *сѳѳѳѳѳ* 'ест' (80), *сѳѳѳѳѳ* 'нитка' (34), *тѳѳѳс* 'туесок' (50, 120), *тѳѳл* 'ветер' (38), *ѳѳѳ* 'ночь' (120), *ѳѳм* 'рот' (20, 89), *ѳѳн* 'полог, занавеска' (24), *ѳѳр* 'корыто' (27, 120), *ѳѳтерло* 'народу, людям' (70, 76), *ѳѳшон(-)* 'окно' (61, 78, 112, 115, 120).

В непервых слогах непроемного слова гласный *ѳѳ*, кажется, в Букваре не зафиксирован.

3.0. Неогубленный гласный среднего (нижне-среднего) подъема заднего ряда *ѳ*, характерный для отдельных удмуртских диалектов (в том числе и «казанского», на котором издана львиная доля дореволюционной печатной продукции), марийского, чувашского и татарского языков, нашел самые различные варианты письменной фиксации: в отдельных марийских памятниках письменности буквой *ѳѳѳ* (ср., напр., у М. Веске (1889), у В. М. Васильева (1926)), у чувашей буквой *ѳѳѳ*, в современных марийском и татарском литературных языках буквой *ѳѳѳ*. То, что автор Букваря А. Л. Паршакова приняла букву *ѳѳѳ*, восходящую к трудам А. Генетца и В. И. Лыткина о коми-язьвинском языке (КЯД) и под влиянием последнего использованную в некоторых диалектологических исследованиях и по удмуртскому языку (Кельмаков 1969; Тепляшина 1970), я считаю не самым лучшим достижением, ибо эта буква по своей конфигурации больше приспособлена для письменной фиксации *о г у б л е н н ѳ г ѳ* гласного,³ нежели нелабиализованного. Если еще не поздно, я бы настоятельно посоветовал автору в последующих изданиях Букваря или других книг воспользоваться буквой *ѳѳѳ*, которая увязывает неогубленную гласную фонему, означаемую ею, с этимологически связанной с ней фонемой *ѳ* (= *ѳ*) других пермских литературных языков, фиксируемой при помощи буквы *ѳѳѳ*.

³ Не случайно в различных языках буква *ѳѳѳ* нередко употребляется для обозначения *о г у б л е н н ѳ г ѳ* гласных фонем, например, в хантыйском (Терешкин 1961 : 12), во многих современных тюркских литературных языках, например, в башкирском (Юлдашев 1997 : 207), татарском (Закиев 1997 : 359) (в тюркских звук *ѳѳѳ* «относится к гласным переднего ряда и является соотносительной «мягкой» парой к тюркскому *ѳѳѳ*», который «является огубленным, полушироким гласным звуком заднего ряда» (Исхаков 1955 : 85, 90)); из монгольских — в бурятском (Дарбеева 1997 : 49), калмыцком (Пюрбеев 1997 : 75) и др., из тунгусо-маньчжурских — в удэгейском (Суник 1997 : 238), эвенском (Новикова 1997 : 286) и т. д.

3.1. Коми-язьвинская фонема *ө*, как и соответствующий ей гласный *ы* других пермских языков — коми-зырянского, коми-пермяцкого и удмуртского, употребляется свободно в самых различных позициях в фонетической структуре слова, например, как в пределах первого слога: *көк* 'два' (30, 33), *лөм* 'снег' (39), *нөр* 'нос' (27), *өб* 'поле' (119), *өж* 'овца' (53, 119), *пөж* 'лодка', *рөт* 'вечер' (119), *шөбүр* 'кафтан' (44, 45), *шөр* 'мышь' (27) и др.; так и в непервых слогах: *волён* 'на (поверхности)' (43), *дынён* 'у возле' (49), *комөс* 'лоб' (119), *нимёл* 'заяц' (35), *нимёл-лё* 'зайцу' (64), *покөт* 'опухоль' (119), *толбёт* 'всю зиму' (54).

3.2. Однако автор Букваря, судя по ее материалам, испытывает серьезные затруднения в фиксации данной фонемы, обусловленные специфическим характером своего произношения. В связи с этим позволю себе привести довольно пространную цитату из работы В. И. Лыткина, отражающую восприятие коми ученым данного специфического звука через призму коми-зырянской и частично русской фонетических систем (и как нельзя лучше характеризующую современную ситуацию с восприятием его автором рецензируемого Букваря): «Этот совершенно специфический звук коми-язьвинского диалекта мы долгое время не могли уловить как особую фонему, разные комбинаторные варианты фонемы *ө* сначала мы воспринимали различно, приравниваясь к нашему фонетическому багажу (имеется в виду система фонем коми-зырянского и русского языков). Так, например, в словах *көртá* 'хлев', *бөйáр* 'богатый' это воспринимается, как *а* (ср. коми-зыр. *карта* 'хлев', русск. литерат. *байáрин*, коми-зыр. фолькл. *байáр* 'боярин'); в словах *гөртө* 'домой', *соч'чөм* 'сгорело', нам слышался коми-зыр. *ö* (ср. коми-зыр. *гортö*, *сотчöм*); в словах *турён* 'трава' звук *ө* воспринимался, как *у* (ср. коми-зыр. *турун*); в уменьшительном суффиксе *-өл* (*күз'ёл* 'длинноватый', *пөмёл* 'горячеватый') мы слышали звук *о* (ср. коми-зыр. *куз'ов* 'длинноватый', *вижов* 'желтоватый')» (КЯД 25—26).

Создается впечатление, что и автор Букваря, исходя из фонетической системы русского языка, коми-язьвинскую фонему *ө* нередко фиксирует при помощи тех букв, которые означают близкие к комиЯ *ө* звуки (особенно редуцированные) русского языка, но, разумеется, отнюдь не идентичные:

о: *áсол* (*áсөл* (КЯД 86) ~ коми, комиП *асыв*) 'утро' (44), *бод* (*бөд* (КЯД 90) ~ коми, комиП *быд*; удм. лит. *быдэ*, кукм. *bəde* 'еже-, в каждый') 'каждый, любой, всякий' (59, 64, 65, 84, 88, 92, 93), *дорджик* (*дөр* 'долго, продолжительно' (КЯД 110) ~ коми, комиП *дыр* 'долго', удм. лит. *дыр*, кукм. *džr* 'время') 'дольше' (85), *дош* (*дөш* (КЯД 111) ~ коми, комиП *дыш*) 'ленивый' (85), *комёс* (*көмёс* (КЯД 132) ~ коми, комиП *кымёс*, удм. лит. *кымес*, кукм. *kəmes*) 'лоб' (31), *пөдён* (*пөдён* (КЯД 167) ~ коми, комиП *пыдын*; удм. лит. *пыдлон*, кукм. *pədlon* 'в глубине') 'глубокий, глубоко' (39), *порис* (*пөрнө* 'заходить, зайти, проникать' (КЯД 169) ~ коми, комиП *пырны*, удм. лит. *пырыны*, кукм. *pəgən(ə)*) 'попал, зашел' (57), *тулос* (*тулөс* (КЯД 187) ~ коми, комиП, удм. лит. *тулыс*, кукм. *tuləs*) 'весна' (55, 60, 64, 87, 102, 103), *турон* (*турён* ~ *турон* (КЯД 188) ~ коми диал., удм. лит. *турын*, кукм. *turəm*, коми лит., комиП *турун*) 'трава' (89, 91, 93, 94, 116), *йшон* (*йшөн* (КЯД 202) ~ коми *йшинь*, комиП *йшын*) 'окно' (61, 78, 92, 112, 115) и т. д.

а: *май* (*мөй* ~ *май* (КЯД 148) ~ коми, комиП *мый*) 'что' (73, 88), *пазán* (*пөзán* (КЯД 168) ~ коми, комиП *пызан*) 'стол' (47, 58), *санán* (*сөнán* (КЯД 178) ~ коми, комиП *сынán* 'гребень, гребешок', удм. лит. *сынán*, кукм. *sənan* 'расчесывание') 'гребень, гребешок' (28), *сарч'ик* (*сөрч'ик* (КЯД 178) ~ коми, комиП *сырчик* 'трясогузка', удм. диал. *сырчык*, *сырчик* 'скворец' (Борисов 1932 : 269), *Сырч'ицьк* 'скворец' (Соч. 1775 : 27)) 'трясогузка' (60, 67, 84, 102, 103) и др.;

е: *джүджел* (*жүжүл* ~ *жүжөл* ~ *жүжул* < **жүж-ул* (КЯД 52)) 'подполье' (70, 88), *лыч'ёт* (*лич'ёт* (КЯД 140) ~ коми *личыд*, комиП *личыт*) 'просторный, не тесный' (61), *лэч'ёт* (*лэч'ёт* (КЯД 140) ~ коми *лэчыд*, комиП, удм. лит. *лэчыт*, кукм. *pəčət*) 'острый, наточенный' (80).

4. Для фиксации трех коми-язвинских аффикат в Букваре использованы те же графические средства, которые имеют место в коми(-зырянском) и коми-пермяцком литературных языках:

ти (= *č*): *тиөн* (коми, комиП *тиын*, удм. *čын*) 'дым', *кátша* (коми, комиП *катша*, удм. *кочо*) 'сорока', *тиак* (коми, комиП *тиак*) 'гриб', *тиакиль* (комиП *тиакиль*) 'клубок', *тиётти* (коми, комиП *тиётти*, удм. *čош*) 'вместе, совместно', *потти* (коми, комиП *потти*, удм. *пуч*) 'жердь' (72), *кутиём* (коми *кутиём*, комиП *кытиём*, удм. *кыче*) 'какой' (73);

дж (= *ž*): *джадж* (коми, комиП *джадж*, удм. лит. *жажы*, сред. *жаžи*) 'полка', *джек* (коми, комиП *джек* 'чурбан (используемый как стул)', удм. *жөк*) 'стол; чурбан', *джен* (коми, комиП *джын*, удм. *жыны*) 'половина', *вуджор* (коми, комиП *вуджор*, удм. лит. *вужер*, сред. *виžер*) 'тень', *пудж* (коми, комиП *пож*, удм. лит. *пуж*, сред. *риž*) 'решето' (70), *уджално* (коми, комиП *уджавны*, удм. лит. *ужаны*, сред. *иžани*) 'работать' (71);

ч (= *č*): *чери* (коми, комиП *чери*, удм. *чорыг*) 'рыба', *чөрс* (коми, комиП *чөрс*, удм. *черс*) 'веретено', *чөскот* (коми *чөскыд*, комиП *чөскыт*, удм. *ческыт*) 'сладкий', *чөчком* (комиП *чочком*) 'белый', *чүрот* (коми *чорыд*, комиП *чорыт*, удм. *чурыт*) 'твердый' (61), *руч* (коми, комиП *руч*, удм. *žичы*) 'лиса' (60).

И лишь для фиксации четвертой — звонкой палатальной — аффрикаты (= *ž*) придумано особое буквосочетание — *дч* (ср. коми, комиП *дз*): *дорөдч* (коми, комиП *дорөдз*, удм. лит. *дорозь*, сред. *догоž*) 'до', *идчас* (коми, комиП *идзас*) 'соллома', *кодч* (коми, комиП *кыдз*, удм. лит. *кызыпу*, сред. *кыžри*, *кычри*) 'береза', *кюдз* (коми, комиП *кыдз*, удм. лит. *кызыы*, сред. *кыžи*) 'как, каким образом', *лүдч* (коми, комиП *лөдз*, удм. лит. *лузь*, сред. *луž*) 'овод, слепень', *яндчим* (коми, комиП *яндзим*) 'стыд' (68) и др. Возможно, буквосочетание *дч* точнее отражает произношение звонкой палатальной аффрикаты *ž* (хотя сочетание «звонкий смычный + глухая аффриката» с учетом весьма характерной для пермских языков регрессивной ассимиляции по глухости может ассоциироваться с сочетанием глухих согласных типа *тч*, как, например, в слове *вөлотчам* 'учимся' (65)), тем не менее не стоило, на мой взгляд, придумывать особый способ передачи ее на письме.⁴

5.1. При первом поверхностном знакомстве с книгой я был несколько удивлен тем, что язык коми-язвинцев имеет оба варианта *ы* (заднерядный *ө* и среднерядный *ы*), перераспределенные, к примеру, между различными диалектами удмуртского языка: кукморский, татышлинский, красноуфимский, часть южных говоров, бесермянский и др. *ž* (= комиЯ *ө*) ~ большая часть северных говоров, срединные, значительная часть южных говоров, шошминский, закамский, канлинский и др. *й* (= коми, комиП, удм. лит. *ы*): кукм., татш., круф., южнК., бес. *кәк* ~ сев., сред., южн., шошм., зак., канл. *кйк*, удм. лит. *кык* (коми, комиП *кык*) 'два'; кукм., татш., круф., южнК, бес. *кәтән* ~ сев., сред., южн., шошм., зак., канл.

⁴ Следует заметить, что именно *дз* (наряду с *з*) в сочетании с последующими йотированными буквами, *ц*, *й* (*й*), *ь* и *ы* применялось для обозначения звонкой палатальной аффрикаты *ž* в ранних, начиная с XVIII века, памятниках письменности удмуртского языка, ср., напр., *Дзецьбусь* 'добрый дух' (13), *Дзярь* 'зоря' (14), *Дзіозь* 'сверчок' (26), *Дзіоргыли* 'воробей', *Дзюць вордось* 'шегленок' (27), *Дзяэкь* 'гусь' (27) — *Зязекь тылы* 'перо гусиное' (17) (Соч. 1775); *дзэгь* 'рожь', *дзечь* 'благий, благо, хороший, хорошо' (49), *дзыгыртскө* 'обнимаю', *дзырдатэмь* 'раскаленный', *дзянымь* 'искренний, искренно', *дзюкыртонь* 'скрипь' (52) (Кротовь); *дзегь* 'рожь', *дзязэгь* 'гусь' (25), *дзицй* 'лисица', *дзіоргли* 'воробей', *дзези* 'ворота' (31), *дзирь-пурть* 'бритва', (51) *дзець, цебөрь* 'хороший, изрядный' (54), *дзюзялыско* 'хлебаю' (85) — *зюкыртско* 'скриплю' (88) (Могилинь); *заридзь(-)* 'море' (19, 52, 53), *дзіоскыть* 'тёсенъ' (42), *дзець письнү* 'дерево доброе' (43), *дзець бурь та юргьлы* 'мир дому сему' (65) — *ляземь-эзь* 'разслабленного' (54) (Еванг.), *Ась зецкыз пэни* 'по благодати Своей' (16), *зюризь* 'роптали' (55), *улзиса пот-йзъ* 'воскресъ, и вышла' (102) (Азбука) и др.

kj̄t̄jn, удм. лит. *кытын* (коми, комиП *кытӧн*) 'где'; кукм., татш., круф., южнК, бес. *n̄l̄* ~ сев., сред., южн., шожм., зак., канл. *n̄l̄*, удм. лит. *ныл* (коми, комиП *ныв*) 'девушка; дочь' и т. д.

5.2. При ближайшем рассмотрении выявляется, что автором Букваря перенесены на коми-язьвинскую почву в виде *u/ы* взаимоотношения букв коми, комиП *u/i* и удм. *u/ӱ*, которые, обозначая одну и ту же фонему *i*, находятся между собой в отношении дополнительной дистрибуции:

1) после велярных *д, з, л, н, с, т* пишется буква *ы* (= коми, комиП *i*, удм. лит. *ӱ*), в остальных случаях — *и*: (*ди*) *ды* (*ди* (КЯД 114) ~ коми *di*) 'остров на реке' (119), *дынён* (*динён* (КЯД 110) ~ коми, комиП *diнын*, удм. *дӱннын*) 'у, возле, подле, при' (49), *шонды* (*шонди* (КЯД 199) ~ коми, комиП *шонди*) 'солнце' (37); (*зи*) *зы* (*зи* (КЯД 114) ~ коми, комиП *зи*) 'оса' (40, 119), *зыб* (*зиб* (КЯД 115) ~ коми *zib*) 'шест' (123); (*ли*) *тӧлысь* (*тӧлысь* (КЯД 186) ~ комиП *тӧлысь*, удм. диал. *толиӱ*) 'луна' (92, 119); (*ни*) *муны* (*муні* (КЯД 199) ~ коми, комиП *муні*, удм. *мынӱ*) 'я (пошел' (94), *ӧны* (*ӧни* (КЯД 158) ~ коми, комиП *ӧни*) 'теперь, сейчас, в настоящее время' (24, 25); (*си*) *сыя* (*сийя* (КЯД 176) ~ коми *сийӧ*, комиП *сия*) 'он' (84, 87); (*ти*) *ӧтык* (*ӧтик* (КЯД 158) ~ коми, комиП *ӧтик*, удм. *одӱг*) (32, 33, 67, 88, 89, 92, 93), *тыян* (*тийӧн* (КЯД 185) ~ коми, комиП *тиян*, удм. *тӱляд*) 'у вас' (66); а также в поздних заимствованиях (*сыр* 'сыр' (28) < рус.; *лызь* 'лыжи' (52) < рус.);

2) во всех остальных случаях пишется буква *и*:

а) после палатальных *д', з', л', н', с', т'*: *кӱзин* (*кӱзин* (КЯД 138)) 'подарок' (41), *пизысь* 'из муки' (82); *литовка* 'коса' (86); *сӱныс* (*сун'ис, сӱн'ис* (КЯД 179)) 'нитка', *нинком* (*н'инком* (КЯД 155)) 'лапоть', *ним* (*н'им* (КЯД 154)) 'имя' (34); *юрси* (*ӱурс'и* (КЯД 122)) 'волосы' (63), *син* (*с'ин* (КЯД 181)) 'глаз, глаза' (74);

б) после согласных, не имеющих в коми-язьвинском корреляции по велярности/палатальности (в том числе и после *дж/дч* и *тш/ч*, составляющих пары по велярности/палатальности, но имеющих самостоятельные буквы для фиксации): *ачис* (*ачис* (КЯД 86)) 'он сам' (85, 88), *бидто* (*бӱттӧ* (КЯД 88)) 'будто' (86), *бурджик* (*бурӧжик, бурӧжиг* 'сильнее, пуше, лучше' (КЯД 92)) 'лучше' (87), *вир* (*вир* (КЯД 98)) 'кровь' (42), *гиз* (*гиз* (КЯД 105)) 'веревка' (58), *горись* (*горис'с* (КЯД 108)) 'крупный' (52, 58), *кин* (*кин* (КЯД 126)) 'кто' (34, 45), *миян* (*мийӧн* (КЯД 61)) 'наш, у нас' (66), *пис* (*пис* (КЯД 164)) 'дрова' (46), *чир* (*ч'ир* (КЯД 195)) 'топор' (60), *финиш* 'финиш' (74), *станция* 'станция' (78), *цирк* 'цирк' (79), *щипцы* 'щипцы', *хищной* 'хищный' (80);

в) после гласных: *кӧин* (*кӧин* (КЯД 129)) 'волк' (35), *тӱис* (*тӱйис* (КЯД 18)) 'бурак' (85), *хозяин* 'хозяин' (77), *шапкаись* 'из шапки' (79);

г) в начале слова: *им* (*им, йим* (КЯД 119)) 'игла', *ин* (*ин* (КЯД 119)) 'ты не' (85), *ишнӧ* (*ишнӧ* (КЯД 199)) 'еще' (34, 49, 65, 79).

5.3. То, что комиЯ *ы* и *и* представляют собой различные графические манифестации одной и той же фонемы *и*, находящиеся в отношении дополнительной дистрибуции, особенно отчетливо проявляется в идентичных формах различных слов, например, в форме 3 л. ед. ч. глаголов прошедшего времени: *муныс* 'он пошел' (34), *лӧктыс* 'он пришел' (38, 39, 79) — *конмыс* 'он замерз, он застыл' (39), *моччыс* 'он протянул' (79); или в форме притяжательных существительных 3 л. ед. ч.: *нӧлыс* 'его (ее) дочь', *зоньыс* 'его (ее) сын' — *мамис* 'его (ее) мать' (79).

5.4. Письменную фиксацию фонемы *i* в различных комбинаторных условиях буквами *u/ы* считаю не самым лучшим достижением графики и орфографии Букваря, поскольку это создает иллюзию наличия, наряду с фонемами *и* и *ӧ*, еще и самостоятельной фонемы *ы*. В этом случае решение вопроса в современных коми и коми-пермяцкой (*u/i*) или удмуртской (*u/ӱ*) письменности считаю относительно более целесообразным.

6.0. Для современных пермских языков и их диалектов характерна определенная степень сохранности финно-угорского (и прапермского) праязыкового син-

тагматического закона вокализма — неупотребления огубленных гласных в непервых слогах слова. Наиболее архаичен в этом отношении коми-зырянский язык, избегающий употребления огубленных гласных *o* и *y* за пределами первого слога слова, в том числе и в служебных морфемах; значительно отошел от этого закона удмуртский, в ходе исторического развития которого произошел регулярный переход **-a-* > *-o-* и спорадический — **-u-* > *ǐ*, в результате чего огубленные гласные (чаще всего *o*, реже *u*) распространились в невозможные ранее позиции — в непервые слоги слова; диалекты коми-пермяцкого языка располагаются в этом отношении между коми-зырянским и удмуртским, несколько приближаясь к последнему, поскольку обильное заимствование русских суффиксов с гласными *o* и *y* внесли определенные коррективы в функционирование огубленных за пределами первого слога коми-пермяцкого слова (подробнее: Кельмаков 1975; 2001).

6.1. Что же касается языка коми-язьвинцев, то он, подобно коми-зырянскому, этот синтагматический закон сохранил весьма последовательно, о чем свидетельствуют следующие факты:

1) огубленные гласные *ö* и *ǐ* функционируют, как правило, в пределах первого слога слова (см. 1., 2);

2) огубленный гласный *y* встречается, в частности, в следующих формах: а) дательного падежа отдельных местоимений: *мия́нлун* (*ми́я́нлун* (КЯД 61)) 'нам' (79), *аслут* (*а́слут* (КЯД 62)) 'тебе самому' (85), *менум* (*ме́нум* (КЯД 61)) (105, 110—112) 'мне', *тэнут* (*те́нут* (КЯД 61)) 'тебе' (97, 107, 112) и др.; б) в производных словах с *y* в первом слоге производящей основы или второго компонента сложного слова: *ме́дбура* 'лучший' (79) — *бур* 'хороший' (84), *никудор* 'никогда' (89, 94, 106, 116) — *кудор* 'когда' (116), *кǐзулон* 'под елью' (109) — *кǐзуло́н* (55), *керку(-)* 'изба' (89, 92, 104, 109, 111, 114) и т. д.; в) в заимствованиях: *шөбур* (*шө бур* (КЯД 159)) 'кафтан' (44, 45), *пастух* 'пастух' (76), *петух* 'петух' (76, 77, 97), *обум* (*өбум* < рус. (КЯД 159)) 'напрасно' (84), *клоун* 'клоун' (79), *голубитно* 'любить, голубить' (102), *старуха* 'старуха' (106), *радуйченос* 'радуются' (104) и др. Как можно заметить, употребление *y* в непервых слогах коми-язьвинского слова обусловлено относительно поздними этнолингвистическими процессами;

3) действие этого праязыкового синтагматического закона настолько сильно в фонетике коми-язьвинского диалекта/языка, что даже вторичные огубленные (*y*, *o*, *ǐ*, *é*), оказавшиеся в непервых слогах относительно поздних образований — сложных слов (в составе первого слога второго компонента), меняются на неогубленные *u* и *ø*, ср. (примеры из КЯД 52): *гори́ǐ* (< **гор-уǐ*) 'шесток', *йури́ǐ* (< **йур-уǐ*) 'изголовье', *эли́ǐ* (< **э́л-уǐ*) 'передняя часть подола', *ǐуǐөл* (< **ǐуǐ-ул*) 'подполье', *чǐчкөр* (< **чǐч-кур*) 'шавель', *ǐл'ин* (< **ǐл'-лун*) 'скоромный день', *улдөр* (< **ул-дор*) 'низ', *вөлдөр* (< **вөл-дор*) 'верх', *Сулдөр* (< *Сул-дор*) 'Соликамск', *кэ́нтис'* (< **кэ́н-тǐс'*) 'конопляное семя', *нөрө́м* (< **нөр-ǐ́м*) 'лицо', *пөрн'өл* (< **пөр-н'ǐ́л*) 'буравчик', *нас'кө́м* (< **нас'-кэ́м*) 'обмундирование, одежда и обувь'. В. И. Лыткин делает следующее обобщение: «В этих словах гласные претерпели изменение вследствие того, что лабиализованные гласные (*é*, *o*, *y*, *ǐ*) в коми-язьвинском диалекте в суффиксальных слогах [я бы уточнил: в непервых слогах слова. — В. К.] не употребляются»⁵ (КЯД 52).

⁵ Правда, не следует забывать, что в последнее время возникла определенная тенденция внедрения *o* в непервые слоги и коми-язьвинского слова. Так, в антипинском и паршаковском говорах суффиксальный гласный *ø* «под влиянием огубленного гласного (*y*, *ǐ*) предшествующего слога переходит в звук *o*, т. е. лабиализуется», ср. *рǐǐ́о́г* 'рожь', *рǐч'о́с* 'лису', *рǐч'ло́* 'лисе', *туро́н* 'трава', *суро́н* 'пивом', *уǐо́н* 'в долг', заимообразно, *суло́ш* 'постой!', *султот* 'поставь!', *пунó* 'варить', *йунó* 'пить', *курóг* 'курица', *ǐз'но́* 'спать', *ǐз'о́* 'спит', *сǐǐ́о́н* 'пригоршней', *рудóл* 'сероватый', *гутло́* 'мухе' и др. (КЯД 32).

6.2. На фоне сказанного об особенностях дистрибуции огубленных гласных *y, o, ŷ, ɔ* (по Лыткину: *y, o, ŷ, ɔ*), весьма проблематично предельно частое — судя, разумеется, по орфографии Букваря — употребление огубленного гласного *o* в непервых слогах слова. Так, если в рассказе «Чакйаләм» (Сбор грибов) (КЯД 203) на 90 слов обнаружено всего два с гласным *o* в непервых слогах (оба являются заимствованиями из русского языка: *пѣхточѣка, зѣвирѣок*), то в отрывке из сказки «Лешачиха и кага» (Лешачиха и ребенок) (Букварь 115) при всех сходных условиях эта цифра равняется 41.

Чтобы выявить источник высокочастотного *o* непервых слогов, рассмотрим одно предложение из Букваря: *Тўлосѣн шѣнот ѓторон лувѣ, жуњ бѣр муно* 'Весной на улице становится тепло, снегирь улетает обратно' (54). Это же предложение в записи В. И. Лыткина имело бы следующий фонетический облик: *Тулѣсѣн шѣнѣт ѓтерѣн лу(ѣ)ѣ, жуњ бѣр муноѣ*. При сопоставлении этих двух фонетических вариантов выявляется, что экспансия *o* в непервых слогах слова в Букваре обусловлена ошибочным употреблением буквы *o* вместо правильной *ѣ*.

6.3. Ошибочное употребление *o* для фиксации фонемы *ѣ* имеет место в следующих служебных морфемах:

а) в показателе инессива существительных (а также в составе наречий и послелогов) *-он* (комиЯ *-ѣн* ~ коми, комиП, удм. лит. *-ын*, кукм. *-ѣн* (КЯД 44)): *вўрон* (коми, комиП. *вѣр-ын*) 'в лесу' (43, 55, 57, 109), *кѣмкѣтон* (коми *кѣмкѣт-ын*, комиП *кѣмкѣт-ѣн* 'в обуви', удм. лит. *кут-ын*, кукм. *кут-ѣн* 'в лаптях') 'в обуви' (76), *нўрѣн* (*нўрѣн*, *нўрѣн* (КЯД 156) ~ коми, комиП, удм. лит. *нур-ын*, кукм. *нур-ѣн*) 'в болоте' (93), *пѣзон* (*пѣзон* (КЯД 165) ~ коми, комиП *пѣз-ын* 'в гнезде', удм. лит. *пуз-ын*, кукм. *курекрѣз-ѣн* 'в яйце') 'в гнезде' (55), *сѣдон* (коми, комиП, удм. лит. *сад-ын*, кукм. *сад-ѣн*) 'в саду' (36), *шѣрон* (коми, комиП *шор-ын*, удм. лит. *шур-ын*, кукм. *шур-ѣн*) 'в реке' (26, 78); *мѣтон* (*мѣтон* (КЯД 145) ~ коми, комиП, удм. лит. *мат-ын*, кукм. *мат-ѣн*) 'близко' (79), *тѣтон* (*тѣтон*, *тѣтон* (КЯД 185) ~ коми *тат-ѣн*, комиП *тат-ѣн*, *тат-ын*, удм. лит. *тат-ын*, кукм. *тат-ѣн*) 'здесь, тут' (54), *улѣн* (*улѣн* (КЯД 191) ~ коми, комиП, удм. лит. *ул-ын*, кукм. *ул-ѣн*) 'под' (55, 57, 88) и др. — но *-ѣн*: *ѣбѣн* (*ѣбѣн* (КЯД 159) ~ коми, комиП *ѣб-ын*) 'в поле' (90), *вѣлѣн* (*вѣлѣн* (КЯД 102) ~ коми, комиП, удм. лит. *вѣл-ын*, кукм. *вѣл-ѣн*) 'на' (42, 43, 51, 53, 65, 67), *дѣнѣн* (*дѣнѣн* (КЯД 77) ~ коми, комиП *дѣн-ын*, удм. *дѣн-ын*) 'у, возле, подле' (46, 49), *кѣтѣн* (*кѣтѣн* (КЯД 133) ~ коми, комиП, удм. лит. *кѣт-ын*, кукм. *кѣт-ѣн*) 'где' (96, 97), *мѣтѣн* 'близкий' (87), *пѣтѣн* (*пѣтѣн* (КЯД 77) ~ коми, комиП *пѣтѣн-ын*, удм. лит. *пушк-ын*, кукм. *пушк-ѣн*) 'в, внутри' (92) — *-ѣн*: *нѣраѣн* (комиП *нѣра-ын*) 'в норе' (55), *кѣрѣн* 'в коре' (55), *шѣлаѣн* (коми, комиП, удм. лит. *шѣла-ын*, кукм. *шѣла-ѣн*) 'в школе' (65);

б) в показателе датива существительных и местоимений *-ло* (комиЯ *-лѣ* ~ коми, удм. лит. *-лы*, кукм. *-лѣ*, комиП *-лѣ* (КЯД 44)): *ѣйло* (коми *ѣй-лы*, комиП *ѣй-лѣ*) 'отцу', удм. лит. *ѣйы-лы*, кукм. *ѣй-лѣ* 'самцу', сев. 'отцу') 'отцу' (58), *гѣртло* (коми *гѣрт-лы*, комиП *гѣрт-лѣ* 'дому', удм. лит. *гурт-лы*, кукм. *гурт-лѣ* ~ *гур-лѣ* 'деревне; дому') 'дому' (58), *гѣсьло* (коми *гѣсть-лы*, комиП *гѣсь-лѣ*) 'гостю' (84, 85), *мѣртло* (коми *мѣрт-лы*, комиП *мѣрт-лѣ*, удм. лит. *мурт-лы*, кукм. *мурт-лѣ* ~ *мур-лѣ*) 'человеку' (84), *шѣфѣрло* (коми *шѣфѣр-лы*, комиП *шѣфѣр-лѣ* 'людям') 'народу' (70, 76, 83, 84), *шѣфѣрло* (коми, удм. лит. *шѣфер-лы*, комиП *шѣфер-лѣ*) 'шоферу' (74) — но *-лѣ*: *нѣмѣллѣ* 'зайцу' (64), *сѣлѣ* (коми *сѣ-лы*, комиП *сѣ-лѣ*, удм. лит. *со-лы*, кукм. *со-лѣ*) 'ему' (105);

в) в суффиксе инфинитива *-но* (комиЯ *-нѣ* (КЯД 68) ~ коми, комиП, удм. лит. *-ны*, кукм. *-н(ѣ)*): *вурно* (*вурнѣ* (КЯД 103) ~ коми, комиП *вур-ны*, удм. лит. *вур-ны*, кукм. *вур-н(ѣ)*) 'шить' (42), *гѣжнѣ* (*гѣжнѣ* (КЯД 105) ~ коми, комиП *гѣж-ны*, удм. лит. *гѣжъя-ны*, кукм. *гѣжъя-н(ѣ)*) 'писать' (65), *лѣбно* (*лѣбалнѣ* 'летать' (КЯД 139) ~ коми *лѣб-ны*, удм. лит. *лобы-ны*, кукм. *лов-н(ѣ)*) 'лететь', комиП *лѣб-ны* 'подняться') 'лететь' (64), *ѣлно* (*ѣлнѣ* (КЯД 157) ~ коми, комиП *ѣлны*, удм. лит. *улы-ны*, кукм. *ул-н(ѣ)*) 'жить' (39, 85, 86), *сѣтно* (*сѣтнѣ* (КЯД 181) ~ коми, комиП *сет-ны*,

удм. лит. *сёты-ны*, кукм. *śotā-n(ā)* 'дать' (50), *уджэлно* (*уžáлно* (КЯД 190) ~ коми, комиП *уджав-ны*, удм. лит. *ужа-ны*, кукм. *уža-n(ā)*) 'работать' (77), *урсно* (*ýрснө* (КЯД 191) ~ коми *ворс-ны*, комиП *орс-ны*) 'играть' (29), *утно* (*утнө* (КЯД 192) ~ коми, комиП *увтны*, удм. лит. *уты-ны*, кукм. *ultā-n(ā)*) 'лаять' (57), *селно* (*сөлно* (КЯД 183) ~ коми, комиП *сьыв-ны* 'петь', удм. лит. *сильныны*, кукм. *śil'ā-n(ā)* 'куковать') 'петь' (69) и др. — но *-нө*: *селнө* 'петь' (51);

г) в непродуктивном (частично опрошенном) суффиксе прилагательных *-от* (*-өт* (КЯД 57) ~ коми *-ыд*, комиП, удм. лит. *-ыт*, кукм. *-āt*): *нибот* (*н'ибөт* (КЯД 154) ~ коми *небыд*, комиП, удм. лит. *небыт*, кукм. *ńebāt*) 'мягкий' (93, 95, 127), *пимот* (*п'имөт* (КЯД 164) ~ коми *пемыд*, комиП *пемыт*, удм. лит. *пеймыт*, кукм. *pełmāt*) 'темный' (115), *сайкот* (*сáйкөт* (КЯД 175) ~ коми *сайкыд*, комиП, удм. лит. *сайкыт*, кукм. *sajkāt ~ sal'kāt*) 'холодный, прохладный' (48, 49, 60, 89, 102, 103), *сёкот* (*с'экөт* (КЯД 182) ~ коми *сьөкыд*, комиП *сьөкыт*, удм. лит. *секыт*, кукм. *śekāt*) 'тяжелый' (87), *чурот* (*ч'урөт* (КЯД 197) ~ коми *чорыд*, комиП *чорыт*, удм. лит. *чурыт*, кукм. *čurāt*) 'твердый' (61, 127), *шонот* (*ш'онөт* (КЯД 199) ~ коми *шоныд*, комиП *шоныт*, удм. лит. *шуныт*, кукм. *šunāt*) 'теплый' (46, 54, 65), *югот* (*й'угөт* (КЯД 122) ~ коми *югыд*, комиП, удм. лит. *югыт*, кукм. *lugāt*) 'светлый' (62, 65, 85, 89) и др. — но *-ет*: *лычөт* (*лич'өт* (КЯД 140) ~ коми *личыд*, комиП *личыт*) 'просторный, не тесный' (61), *лэчет* (*лэч'өт* (КЯД 140) ~ коми *лэчыд*, комиП, удм. лит. *лэчыт*, кукм. *pečāt*) 'острый' (80) — *-ит*: *вёснит* (*в'эсн'ит* (КЯД 101) ~ коми *вёсныд*, комиП *вёснит*) 'тонкий' (80), *кокнит* (*к'окн'ит* (КЯД 127) ~ коми *кокныд*, комиП *кокнит*) 'легкий' (87), *лөсит* (*л'өс'ит* (КЯД 141) ~ коми *лөсьыд*, комиП *лөсьыт*) 'красивый' (100).

7. Книга, к сожалению, изобилует ошибками (описками) иного — «несистемного» — характера, случаями непоследовательного написания одних и тех же форм и т. д.; на некоторые указано в ходе рассмотрения букв *ö, ü, ø* и др. Приведу еще несколько примеров:

волөн (*горволөн* 'на печи' (84), *завалинка волөн* 'на завалинке' (106), *потш волөн* 'на жерди' (91), *сы волөн* 'на нем' (51, 79), *сыволөн* 'на нем' (84), *сюрды волөн* 'на спине' (89), *юр волөн* 'на голове' (95), *кин волөн* 'на ком' (95) и др.) — *волон* (*горволон* 'на печи' (87), *кок волон* 'на ноге' (92), *кортаволон* 'в хлеву' (85), *күзволон* 'на ели' (109), *майволон* 'на чем' (89), *му волон* 'на земле' (88), *пазанволон* 'на столе' (85), *пань волон* 'на ложке' (92), *сы волон* 'над ним' (116) *сыволон* 'на нем' (94), *юр волон* 'на голове' (89) и т. д.) — *вөлөн* (*гөр вөлөн* 'на сохе' (87) (обратите внимание и на слитное/раздельное написание послелога *волөн* — *волон* — *вөлөн* 'на'));

волөт 'по' (*түй волөт* (49) и др.) — *волот* (*түй волот* (*түй вөлөт* (КЯД 102)) 'по дороге' (89), *енодж волот* 'по небу' (90) и др.);

гожомөн (91) — *гожомон* 'летом' (93, 94);

дош (85) — *дөш* (*дөш* (КЯД 111)) 'ленивый' (85);

котон (111) — *котөн* (55, 86, 96, 97, 111, 115) — *көтөн* (*көтөн* (КЯД 133)) 'где' (113);

кöин (35, 68) — *кöйн* 'волк' (67);

май 'что' (73, 88) — *мойла* (*мөй, май* (КЯД 148)) 'почему, отчего' (115);

матон (86) — *матөн* 'близко, вблизи' (87);

мүдык 'другой' (36, 62, 80, 89, 106) — *мудык* 'другой' (94);

нинем (85, 108) — *нином* (*н'инөм* (КЯД 155)) 'ничего' (88, 92, 93, 108);

норон (91) — *нөрөн* (91) — *нөрэн* (*нөрөн* (КЯД 152)) 'носом' (57, 93);

обо (86, 88, 90, 92) — *обө* (*обө, обөл* (КЯД 156)) 'нет' (89, 91);

обон (94) — *обөн* (87, 90, 91) — *өбөн* 'в поле' (116);

оджот (70, 91, 106, 115, 116) — *оджөт* (*өžөт* (КЯД 160)) 'большой' (84, 86, 106);

оло- (107) — *олө* 'далеко, вдаль' (107);

пөм (107—109, 115) — *пөм* (*пөм* (КЯД 168)) 'горячий' (107);

пөр 'все, все время, постоянно' (85, 88) — *пор* (*пөр* (КЯД 169)) 'постоянно, всегда' (86, 98, 106, 112, 117);

порис '(он) попал, зашел' (57), *порнө* 'зайти, заходить' (80), *портнө* 'занести' (114), *портыныс* 'они занесли' — *пөр* (*пөрнө* 'заходить; проникать' (КЯД 169)) 'зайди' (116);

сые (87, 93, 107, 104, 115, 116) — *сыя* (*сыйа* (КЯД 61)) 'он' (84, 86, 87, 98, 107, 110, 115);

сювонос 'едят' (92), *сюва* 'съем' (105) — *сйвонос* 'едят' (92), *сйво* 'ест' (80), *сйвно* (*сййнө*, *сйвнө* (КЯД 183)) 'есть, принимать пищу' (115);

теез — *тэез* (*тэйөз* (КЯД 61)) 'вы' (108);

тшөн (72) — *тшон* (*чөн* (КЯД 193)) 'дым' (90);

йзэ (88, 90, 93) — *узе*, *йзе* (*йз'нө* 'спать' (КЯД 201)) 'спит' (98);

шөр 'мышь' (27, 112) — *шорпъян* (*шөр* 'мышь' (КЯД 200)) 'мышонок' (100);

суффикс компаратива *-жик* (*волбнжик* 'повыше' (65), *буражик* 'лучше' (104), *олөжик* 'дальше' (107), *шонотжик* 'теплее' (94) и др.) — *-джик* (*бурджик* 'лучше' (87), *дорджик* 'дольше' (85), *жагонджик* 'медленнее' (85), *матөнджик* 'ближе' (87), *олөджик* 'дальше' (87), *пертаджик* 'быстрее' (85) и т. д.); и др.

Кроме того, *ь* как разделительный перед *и*, т. е. перед нейотированной буквой, не дает ожидаемого эффекта: в словах типа *пошьино* (*пөшийнө* (КЯД 170)) 'убегать, убежать' (105, 113, 114), *кошьис* (*көшийнө* 'искать' (КЯД 129)) 'он искал' (112) — *ь* не «высвобождает», как перед йотированными *е*, *ё*, *ю* и *я* (*пусьез* = *пуйэз* (89) 'мосты'), звука *й*, и мы вынуждены читать эти слова как *пошино/пөшинө* и *кошис*.

8.1. Разумеется, обилие графических и орфографических ошибок и описок, масса противоречий и случаев непоследовательной записи языковых примеров не служат украшением ни для какого издания, в особенности для такого учебного пособия, каким является Букварь. Я не методист, а языковед, поэтому я сделал попытку оценить достоинства и недостатки книги со своей профессиональной точки зрения; хотя справедливости ради следует отметить, что книга в методическом отношении составлена, как мне показалось, весьма грамотно. По крайней мере, мне импонирует последовательность введения нового материала, постепенное осложнение текстов для его закрепления. Подкупают также весьма интересные фольклорные тексты — пословицы, загадки, песни, сказки (с. 84—117, хотя они и избыточны непоследовательностью фиксации отдельных слов, орфографическими ошибками и описками⁶). Все это прекрасно.

8.2. Однако «Коми-язвинский букварь», первопечатная книга на языке коми-язвинцев и первый письменный памятник на их наречии, заиграет всеми цветами радуги лишь в том случае, если не окажется последним и единственным, а возглавит серию изданий, т. е. не останется лишь памятником, а станет началом и основой дальнейшей, последовательно проводимой письменной разработки этого языка.⁷ А для этого необходима большая подготовительная работа:

⁶ Издатели Букваря могут мне возразить: произведения фольклора, как и любая спонтанная устная диалектная речь, по своей сути характеризуются непоследовательностью отражения в них определенных фонетических и морфологических особенностей, долг издателя — сохранить эти особенности. Я могу согласиться с такой постановкой вопроса, однако лишь при том условии, если фольклорные тексты издаются как образцы *д и а л е к т н о й р е ч и*, т. е. в транскрипции и с необходимой для этого случая достаточно репрезентативной паспортизацией их (как, например, в КЯД); если же они преподносятся как *т е к с т ы к о д и ф и ц и р о в а н н о й л и т е р а т у р н о й р е ч и* (как в Букваре), они должны быть подвергнуты соответствующей литературной (нормирующей) правке.

⁷ Мне крайне импонирует оптимизм автора Букваря: «Надеюсь, что эта книга будет не последней, что вырастет национальная интеллигенция, которая создаст не только учебники, но и художественную литературу на родном языке» (Букварь, с. 5).

1) до мелочей продумать графические и орфографические нормы коми-язьвинского языка;

2) составить нормативный словарь современного языка коми-язьвинцев;

3) установить грамматические нормы; и т. д.⁸

8.3. Я вполне могу разделить желание носителей коми-язьвинского наречия выделить свою речь в качестве самостоятельного языка, отличного как от коми-зырянского, так и от коми-пермяцкого (это их священное право!), однако при этом ни в коем случае не следует забывать, что коми-язьвинское наречие — это язык не только пермского, но и, в первую очередь, *к о м и* типа, и это накладывает определенные обязательства перед составителями письменности на языке коми-язьвинцев. Иначе говоря, в стремлении обособить свою речь в отдельный язык не следует искусственно отдалять ее от его истоков — общекоми речи — с помощью неверной фиксации отдельных звуков и создания незакономерных в лингвистическом отношении корреспондентных фонем. Например, вместо типично пермского соответствия *j // ə*, характерного как для удмуртских диалектов (*nj̄l // nəl* 'дочь; девушка', *šj̄r // šər* 'мышь', *tj̄n̄nj̄ // tən̄n̄n̄* 'идти' и т. д.), так и коми языков (коми, комиП *ныл // комиЯ нөл*, коми, комиП *шыр // комиЯ шөр* 'мышь', коми, комиП *мунны // комиЯ муннө* и др.), выдумывать незакономерные корреспонденции типа:

1) коми, комиП *ы ~ удм. лит. ы // комиЯ а* (коми, комиП *сырчик ~ удм. диал. сырчык, сырчык* 'скворец' // комиЯ *сарчык* 'трясогузка');

2) коми, комиП *ы ~ удм. лит. ы // комиЯ о* (коми, комиП *вылын ~ удм. лит. вылын // комиЯ волон* 'на (поверхности)');

3) коми, комиП *ы ~ удм. лит. ы // комиЯ ö* (коми, комиП *пым // комиЯ пӧм* 'горячий');

4) коми, комиП *ы ~ удм. лит. ы // комиЯ э* (коми, комиП *сьывны ~ удм. лит. сьывны* (из более раннего **сьыл(ь)ыны*) // комиЯ *сӧлно* 'петь') и др.

Или, фиксируя фонему *i* после велярных *д, з, л, н, с, т* буквой *ы*, а в остальных случаях *и*, создавать иллюзию наличия в коми-язьвинском двух гласных фонем — *ы* и *ө* (подобно *ы* и *ӓ* в чувашском языке (Андреев 1997 : 482)), а также расщепления общепермского *i* на базе коми-язьвинского в *i* и *j̄*. И т. д.

При детальном описании коми-язьвинского языка с целью создания/уточнения письма должны быть учтены особенности близкородственных коми(-зырянского) и коми-пермяцкого (возможно, и удмуртского) языков и богатый опыт В. И. Лыткина в описании фонетики, морфологии и лексики не только коми-язьвинского диалекта (что само собой разумеется!), но и близкородственных пермских языков. Без соответствующей предварительной работы по описанию и нормированию фонетической системы, грамматического строя и лексического богатства коми-язьвинского языка (разумеется, с определенной оглядкой на другие коми/пермские языки) любые издания на этом языке будут обречены на провал, поскольку не будет достигнуто графическое, орфографическое, лексическое и грамматическое единообразие не только в пределах одного издания (что имеем место в рецензируемом Букваре), но и всей печатной продукции на языке коми-язьвинцев.

⁸ «Хотелось бы, чтоб в последующих изданиях использовался накопленный нами опыт, и изучение коми-язьвинского языка вышло на более высокий научно-методический уровень» (Букварь, с. 5). В связи с этим я, как рецензент, мог бы выразить и свою надежду на то, что авторы последующих изданий на коми-язьвинском языке правильно поймут, что результат отрицательного опыта — это тоже результат, и он достоин не меньшего внимания и учета, нежели положительного.

Сокращения

бес. — бесермянское наречие удмуртского языка; **зак.** — закамские говоры южного наречия удмуртского языка; **канл.** — канлинский говор южного наречия удмуртского языка; **крукм.** — красноуфимский говор южного наречия удмуртского языка; **кукм.** — кукморский говор южного наречия удмуртского языка; **сев.** — северное наречие (северные говоры) удмуртского языка; **сред.** — срединные говоры удмуртского языка; **татш.** — татышлинский говор южного наречия удмуртского языка; **шошм.** — шошминский говор южного наречия удмуртского языка; **южн.** — южный диалект (южные говоры) удмуртского языка; **южнК** — южный говор удмуртского языка (д. Кузубаево Алнашского района Удмуртской Республики);

Азбука — Азбука составленная изъ Российскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія Вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчїи (По Сарапульскому), Казань 1847; **КЯД** — В. И. Лыткин, Коми-язввинский диалект, Москва 1961; **Еванг.** — Господа нашего Иисуса Христа евангеліе отъ св. Евангелиста Матѳея на русскомъ и вотятскомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчїя, Казань 1847; **Кротовъ** — З. Кротов, Удмуртско-русский словарь (= Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 г.), Ижевск 1995; **Могилинъ** — М. Могилин, Краткой отяцкія Грамматики опытъ = Опыт краткой удмуртской грамматики, Ижевск 1998 (Памятники культуры. Лингвистическое наследие); **Соч. 1775** — Сочиненія принадлежащія къ грамматикѣ вотскаго языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 г. (Первая научная грамматика удмуртского языка), Ижевск 1975.

ЛИТЕРАТУРА

- А н д р е е в И. А. 1997, Чувашский язык. — Языки мира. Тюркские языки, Бишкек, 480—491.
- Б а т а л о в а Р. М. 1975, Коми-пермяцкая диалектология, Москва.
- 1982, Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам. Коми языки, Москва.
- 1990, Оньковский диалект коми-пермяцкого языка, Москва.
- 1995, Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка, Москва—Гамбург.
- 1998, Диалектная система коми-пермяцкого языка и ее развитие в сравнительном и ареальном освещении. Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Москва.
- Б о р и с о в Т. К. 1932, Удмурт кыллюкам. Удмуртско-русский толковый словарь, Ижевск.
- В а с и л ь е в В. М. (Ўпымарий) 1928, Марий мутэр, Моско.
- В е р е щ а г и н ь Г. 1895, О книгахъ на вотскомъ языкѣ, Вятка.
- В е с к е М. 1889, Изслѣдованія о нарѣчїяхъ черемисскаго языка. — Извѣстія Об-ва археологіи, исторіи и этнографіи при Имп. Казанскомъ Ун-тѣ. Т. VII, Казань, 1—50.
- Д а р б е е в а А. А. 1997, Бурятский язык. — Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык, Москва, 37—51.
- З а к и е в М. З. 1997, Татарский язык. — Языки мира. Тюркские языки, Бишкек, 357—372.
- И с х а к о в Ф. Г. 1955, Характеристика отдельных гласных современных тюркских языков. — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Часть первая. Фонетика, Москва, 60—114.
- К е л ь м а к о в В. К. 1969, Кукморский диалект удмуртского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва.

- 1975, Финно-угорская праязыковая особенность вокализма непервого слога и ее следы в пермских языках. — Вопросы удмуртского языкознания. Сборник статей, Вып. 3, Ижевск, 65—89.
- 1999, [Рец. на:] Р. М. Б а т л о в а, Диалектная система коми-пермяцкого языка и ее развитие в сравнительном и ареальном освещении. Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Москва 1998. — LU XXXV, 74—78.
- 2001, Об ареальной тенденции в развитии вокализма непервого слога слова в пермских языках. — CIFU IX. Pars V, 67—74.
- Л ы т к и н В. И. 1955, Диалектологическая хрестоматия по пермским языкам с обзором диалектов и диалектологическим словарем I, Москва.
- 1957, Историческая грамматика коми языка I. Введение. Фонетика, Сыктывкар.
- Н о в и к о в а К. А. 1997, Эвенский язык. — Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык, Москва 284—304.
- П ю р б е е в Г. Ц. 1997, Калмыцкий язык. — Языки мира, Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык, Москва, 73—87.
- С у н и к О. П. 1997, Удэгейский язык. — Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык, Москва, 236—248.
- Т е п л я ш и н а Т. И. 1970, Язык бесермян, Москва.
- Т е р е ш к и н Н. И. 1961, Очерки диалектов хантыйского языка. Часть первая. Ваховский диалект, Москва—Ленинград.
- Ю л д а ш е в А. А. 1997, Башкирский язык. — Языки мира. Тюркские языки, Бишкек, 206—216.